

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 808.2
ББК 81.411.2

Т. П. Акимова
г. Волгоград, Россия

Отражение конвенций эпистолярного общения в русском частном письме: опыт коммуникативно-прагматического описания

В статье рассматриваются извлечённые из писательского эпистолярного высказывания, в которых представлены конвенции эпистолярного общения. Даны классификации конвенциональных установок и эксплицирующих их речевых актов. Анализируются прагматические факторы, обуславливающие создание автором письма высказываний с определённой речевой интенцией. Выявлены тенденции изменения правил эпистолярной коммуникации на протяжении XIX-XX вв.

Ключевые слова: эпистолярный, дискурс, коммуникация, прагматика, речевой акт, высказывание, конвенции общения.

T. P. Akimova
Volgograd, Russia

The Reflection of the Conventions of Epistolary Communication in Russian Private Writing: the Methods of Communicative Pragmatic Description

The article dwells upon the utterances taken from writers' epistolary that present the conventions of epistolary communication. Conventional aims and speech acts explicating them are classified. Pragmatic factors stipulating the creation of utterances with the definite speech intention by the author of writing are analyzed. The tendencies of the changes of epistolary communication rules during XIX-XX centuries are exposed.

Keywords: epistolary text, discourse, communication, pragmatics, speech act, utterance, communicative conventions.

Частное письмо – эпистолярный жанр, включающий в себя деловые письма частного характера, дружескую и любовную переписку. Данные письма не предназначены для публикации, и, тем не менее, эпистолярное наследие известных деятелей искусства и культуры довольно часто включается в собрание сочинений или в отдельные издания. Их авторы являются, по мнению лингвистов, носителями элитарного типа речевой культуры, т. е. «обладают истинным мастерством владения языком, всем его богатством при соблюдении всех правил и ограничений» [9, с. 228]. Предполагаем, что такие письма можно рассматривать как образцовые не только по языковому оформлению, но также и по структуре и содержанию. В частности, в них находят отражение конвенции эпистолярного общения, которые, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть с позиций прагмалингвистики. Материалом для

анализа послужило эпистолярное наследие русских писателей XIX–XX вв. – А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, М. А. Шолохова и В. П. Астафьева. Исследование писем, относящихся к различным временным пластам, позволяет описать представленные в них основные конвенции эпистолярного общения и, кроме того, определить тенденции эволюции данного вида коммуникации.

В последнее десятилетие письмо рассматривается лингвистами как тип дискурса [3; 4; 5; 7]. В современной науке термин «дискурс» является многозначным, поскольку данный феномен подвергается анализу с различных точек зрения. В частности, в прагмалингвистике дискурс рассматривается как взаимодействие участников общения с целью обмена информацией, оказания воздействия друг на друга с использованием различных коммуникативных стратегий, реализуемых вербальными и невербальными средствами,

т. е., иными словами, как процесс коммуникации. Минимальной единицей дискурса является речевой акт, или, в иной терминологии, речевой жанр [11].

Эпистолярный дискурс, анализируемый в соответствии с данной концепцией, представляет собой не что иное, как совокупность речевых жанров, группируемых по определённым основаниям [5].

По нашим наблюдениям, в ряде высказываний, реализующих определённые речевые жанры, находят отражение конвенциональные установки эпистолярного общения.

С точки зрения информации, содержащейся в анализируемых высказываниях, можно классифицировать их по следующим основаниям: 1) величина письма (длинное/короткое); 2) временной промежуток между получением письма и написанием ответа; 3) содержание письма; 4) особенности языка, стиля и оформления письма.

Типологию речевых жанров, реализуемых данными высказываниями, можно представить следующим образом:

1. Связанные с эпистолярной деятельностью автора: а) в прошлом – извинение, оправдание; б) в будущем – обещание.

2. Связанные с эпистолярной деятельностью адресата: а) в прошлом – благодарность, упрёк; б) в будущем – просьба.

Учитывая тот факт, что большинство из реализуемых речевых жанров так или иначе обусловлено характеристикой предшествующих им действий как позитивных или негативных, становится возможным установить, какие же характеристики эпистолярной деятельности являются поощряемыми или предосудительными в обществе.

Так, с течением времени изменяются конвенциональные установки, связанные с величиной письма. В эпистолярных текстах XIX в. высказывания, реализующие речевые акты извинения и оправдания связаны исключительно с малым объёмом письма, а речевые акты обещания – с большим его объёмом: *Извините, ежели старинный приятель пишет вам только две строчки с половиной – в будущую почту напишет он две страницы 1/2* [6, с. 20]; *Прощай, я бы писал больше, но очень устал, а устал оттого, что не спал всю эту ночь* [8, с. 352–353].

Начиная с рубежа веков, ситуация изменяется, и извинения автора чаще обусловлены излишним, по его мнению, объёмом письма: *Простите за длину письма и примите искренние пожелания всего хорошего от*

преданного А. Чехова [10, с. 124]; *Ну, Вы простите меня за это, может быть, неясное и, во всяком случае, очень длинное письмо* [2, с. 104]; *Ну, я, кажется, расписался. Закругляюсь* [1, с. 12].

Краткость письма в этот период обычно является причиной оправдания, но не извинения со стороны его автора: *Очень жарко и душно, а потому придётся писать недолго и коротко* [10, с. 244]; *Пишу наскорях, забежал на квартиру, сейчас на почту и вновь по «мытарствам»* [12, с. 37]; *Пишу тебе коротко – приболел опять, да дело срочное одно пристало* [1, с. 188].

Ещё одно подтверждение изменения конвенциональных установок, связанных с величиной письма, заключается в том, что высказывания, реализующие речевые акты благодарности, обусловленные большим объёмом письма адресата, отмечены только в эпистолярной Л. Н. Толстого и М. Горького: *Благодарствуйте за длинное и славное письмо ваше, дорогой Василий Петрович* [8, с. 500]; *Мудрый дяденька, суровый писатель длинных писем прямыми буквами! Кланяюсь Вам и благодарю Вас искренно...* [2, с. 233].

Однако речевые акты просьбы, касающиеся написания адресатом длинного письма, встречаются в письмах, датированных как XIX, так и XX вв.: *Пишите же, ради бога, поскорее, побольше и как можно понескладнее и побезобразнее, поэтому искреннее* [8, с. 425]; *Пишите мне, голубчик, и не скупитесь* [10, с. 236]; *Напиши подробнее о своей живухе, об охоте и пр.* [12, с. 232]. Данный факт можно объяснить влиянием сложившейся ранее эпистолярной традиции.

В отличие от конвенциональных установок, связанных с объёмом письма, принятые в обществе правила эпистолярного этикета, касающиеся необходимости немедленного ответа на письмо, не претерпевают столь значимых изменений.

Данная традиция находит выражение прежде всего в высказываниях, реализующих одновременно интенции извинения и оправдания, обусловленные длительным отсутствием ответа на письмо со стороны автора: *Извините, что до сих пор я не мог отвечать вам; разные обстоятельства, печальные и хлопотливые, мне помешали* [6, с. 653]; *Виноват, что дня три не отвечал на ваше письмо. Я ужасно был занят всё это время* [8, с. 446]; *Прежде всего каюсь и извиняюсь: не писал долго по причинам, от редакции не зависящим. То некогда было, то лень...* [10, с. 25]; *Простите за мое невольное (был в отсутствии) молчание* [12, с. 251]; *Извините, что я не сразу ответил на Ваше письмо. Катался*

по Вашим родным местам на пароходе – от Перми до Астрахани и вот только прибыл домой со своим семейством [1, с. 31].

Отсутствие писем от адресата, состоящего в близких, чаще родственных, отношениях с автором, нередко приводит к появлению в эпистолярном тексте речевых актов упрека: *А ты ни строчкой не порадовал изгнанника* [6, с. 193]; *Как тебе не совестно, Сережа, не отвечать на письмо, ответ на которое очень интересует меня?* [8, с. 350]; *Что же ты, паршивка, не пишешь?* [12, с. 23]; *Жаль, что ты не написала ни слова – это уже ни к чему* [1, с. 125].

В письмах к знакомым чаще реализуются речевые жанры оправдания: *Или мои или ваши письма или те и другие – не доходят – иначе я не могу объяснить себе вашего 6-ти месячного молчания...* [8, с. 379–380]; *Вы не ответили на мое письмо – получили ли Вы его? Вам очень некогда?* [2, с. 9]. Отметим, что в нашем материале подобные высказывания отмечены только в письмах, написанных в XIX в.

В конце письма традиционно содержится просьба к адресату ответить на письмо автора в ближайшее время: *Пиши мне* [6, с. 225]; *Пожалуйста, отвечай немедленно* [8, с. 401]; *Пиши мне обязательно* [10, с. 119]; *Так ответьте же поскорее на это письмо!* [2, с. 10]; *Ну, будьте здоровы, не задержите ответ* [12, с. 93]; *Ты только не затяни с письмом. Маленько, но сразу напиши* [1, с. 246].

Традиционным также является выражение благодарности адресату, обычно находящееся в начале или конце эпистолярного текста, за письмо: *Сердечно благодарю вас за письмо, приятный знак вашего ко мне благорасположения* [6, с. 608]; *Благодарствуй за твоё письмо, любезный друг Чичерин* [8, с. 534]; *Ещё раз благодарю Вас за письмо, желаю всего хорошего и остаюсь искренно, душевно преданным, А. Чехов* [10, с. 183]; *Сердечно Вам спасибо за отклик на моё письмо и за обещание написать мне ещё* [2, с. 45]; *Ещё раз спасибо Вам за письмо и за тёплые слова* [1, с. 48].

Автор часто выражает благодарность адресату и за содержание письма в целом: *Очень, очень благодарен вам, Некрасов, за искренность вашего письма* [8, с. 498]; *Спасибо за то, что оно [письмо] не ругательное, как я ожидал...* [10, с. 99]; *За дружеское, славное письмо – примите моё сердечное, горячее спасибо* [2, с. 82]; *Крепко вас обнимаю и ещё раз благодарю за доброе, большое письмо* [1, с. 84].

Традиционными являются и авторские обращения к адресату с просьбой сообщить конкретную информацию: *Сделай милость, напиши мне обстоятельнее о тяжбе*

своей с цензурою [6, с. 148]; *Прощайте, милая бабушка, – пожалуйста, напишите мне про себя* [8, с. 513]; *Жду самых хороших известий о Вашем здоровье* [10, с. 209]; *Вы изобразите мне письмом, кто это разорил Вас на такую длинную телеграмму* [2, с. 45]; *Пиши про мою дочурку больше. Что и как она?* [12, с. 32]; *Как ты живёшь, друже? Чего нового на ваших творческих и издательских горизонтах?* [1, с. 15].

Недостаточная, по мнению автора, информативность письма адресата обуславливает появление в ответном письме высказываний с интенцией упрека: *...не благодарю тебя за письмо твоё, потому что ты мне дельного ничего не говоришь – я называю дельным всё, что касается до тебя* [6, с. 77]; *О матери ни слова – почему?* [2, с. 74]. Речевые акты упрека могут быть обусловлены также тем, что, по мнению автора, адресат неверно интерпретировал его сообщение/отсутствие сообщения: *Вы меня неверно поняли. <...> А Вы подозреваете меня в ехидстве по Вашему адресу. Бросьте!* [2, с. 90]; *Напрасно обижаешься, что не высказался о твоей работе. Во-первых, в этих делах я ни черта не понимаю, во-вторых, как можно судить о чём-либо по фотографии?* [12, с. 227].

Если автор оценивает собственное письмо как недостаточно информативное или связное, то в конце письма он просит прощения и/или оправдывается перед адресатом (можно предположить, что таким образом реализуются отголоски византийской традиции самоуничтожения автора): *Письмо моё скучно, потому что с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц Санкт-Петербурга, я глупею и старею не неделями, а часами. Прости* [6, с. 38]; *Извините за бестолковость и краткость письма* [8, с. 798]; *Простите за кислое письмо, ей-богу, – очень неладно на душе у меня* [2, с. 48]; *...сейчас 12, сижу, и перо падает из рук. Ночи короткие, и я хронически недосыпаю. Простите за бессвязь* [12, с. 93]; *Мозги у меня всё ещё нараскоряку, и поэтому не могу собрать мысли воедино и толково написать всё* [1, с. 165].

Правила оформления письма состоят в том, что эпистолярный текст должен быть написан таким образом, чтобы адресат понял его без особых затруднений. Если автору кажется, что стилистическое оформление письма небезупречно, то он констатирует этот факт и пытается оправдаться/извиниться перед адресатом (в некоторых примерах, на наш взгляд, также представлены элементы самоуничиже-

ния автора): Так как я дождался оказии, то и буду писать тебе спустя рукава [6, с. 210]; Я чувствую себя нынче в скверном духе и пишу дурно и боюсь, что холодно, а мне всегда бы хотелось выражаться так, как я чувствую к вам, – всегда с осторожною уважительною нежностью [8, с. 810]; Прочёл я это письмо и нахожу, что оно написано очень не литературно [10, с. 221]; Письмо вышло нескладное. Не хотел я отвечать, ответил как-то неволью. Жалею. Не надо бы [2, с. 174]; Письмишко получилось плоховатое... Я, кажется, разучился писать и толково излагать мысли. Простите, пожалуйста [12, с. 201]; Извини, что так нервно и скоротечно отвечаю – народ не переводится, устал жутко... [1, с. 480].

Оправдание или извинения автора также могут быть обусловлены его плохим почерком или тем, что письмо испачкано: Если найдёте в этом письме каракули, то знайте, что Яшенька помешала, чтоб ей Мерлитон приснился! [10, с. 101]; Прошу извинения за испачканное письмо. Очень прошу [2, с. 33]. Извини за почерк. По сравнению с твоим – его вообще нельзя назвать почерком [1, с. 27].

В том случае, когда автор письма считает неудачным выбор языковых единиц или почерк адресата, то в ответном письме он сообщает об этом посредством высказываний с интенцией упрёка: Сперва хочу с тобою побраниться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полужанцузское письмо, ты не московская кузина... [6, с. 92];

Милый Альба! Называю Вас так, потому что Ваш трагический почерк – последнее слово инквизиции. Он, пока я прочёл Ваше письмо, вывихнул мне глаза [10, с. 176].

Упрёки в адрес адресата по поводу его плохого почерка отмечены в нашем материале только в письмах, датированных XIX в. Возможно, данный факт объясняется тем, что письма, даже частные, в XX в. реже пишутся «от руки». Ср. высказывание из письма В. П. Астафьева: Почерк мой ужасный, поэтому Марья Семёновна напечатает письмо на машинке [1, с. 404].

Как видим, конвенциональные установки эпистолярного общения изменяются с течением времени, но весьма незначительно. Эволюция эпистолярного этикета обусловлена, прежде всего, ускорением «ритма жизни» коммуникантов, а также появлением технических средств, позволяющих заменить рукописный вариант текста машинописным.

Таким образом, анализ высказываний, эксплицирующих элементы эпистолярного этикета в коммуникативно-прагматическом аспекте, позволил: 1) выявить речевые акты, посредством которых реализуются конвенции эпистолярного общения; 2) проанализировать прагматические факторы, обуславливающие создание автором письма высказывания с определённой речевой интенцией; 3) определить тенденции изменения правил эпистолярного общения.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. 2-е изд., доп. Иркутск, 2009. 752 с.
2. Горький М. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889–1906 гг. М. : Худож. лит., 1954. 600 с.
3. Гусева С. В. Текстобразующие факторы и их функционирование в эпистолярном дискурсе А. П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 22 с.
4. Кабанова Т. Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (на материале рукописных и опубликованных текстов XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 24 с.
5. Курьянович А. В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 17 с.
6. Пушкин А. С. Письма : в 3 т. Т. I. 1815–1826. М. : Захаров, 2006. 704 с.
7. Сапожникова Н. В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. 46 с.
8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т., в 20 кн. Т. XVIII. Письма. 1842–1881 гг. М. : Худож. лит., 1984. С. 305–912.
9. Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Изд. 3-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.
10. Чехов А. П. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 11. Письма 1877–1892 гг. М. : Гослитиздат, 1956. 711 с.
11. Шмельёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
12. Шолохов М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Письма. 1924–1984 гг. М. : Советский писатель, 2005. 736 с.